

Неисповедимы пути Господни

Как постом пели Пасху!

Собирались в Оптину, собирались... Несколько месяцев словно воду в ступе толкли паломники взрослой Воскресной школы села Васильевское. Все что-то мешало. Но однажды Павел (наш регент) припечатал: «Все, выезжаем 22 декабря сразу после службы!» И мгновенно команда набралась. Только восьмое место оказалось вопросительным: «То еду, то – нет!» «То – хочу, то – не могу!» Первый отказ, второй ... пять человек за неделю передумало! А в Оптиной пустыни, меж тем, на группу славный домик монастырский был забронирован...

Не поверите – это ведь новомученик Оптинский, иеромонах Василий, сам себе гостей выбирал! Кого выбрал, те и поехали. А ехали с чудесами. Как в паломничествах водится. Еще на перекрестке у Мостовика, полицейский-гаишник чуть руку с железом приподнял, да вдруг почесал голову раздумчиво и передумал наш микро-автобус тормозить, так и проводил нас с открытым ртом. Уж так усердно его пассажиры Матерь Божию прославляли. Выехали-то в день празднования Ее иконы Нечаянная Радость. Да сразу после Литургии воскресной.

Тихонько да легонько ехали и всю дорогу молились, тропари пели, дорожные молитвы, акафисты читали. Выехали от храма около 12.00. Хоть бы к концу воскресной службы успеть! Глазом скошу – на спидометре – все 100, редко 110, а до Оптиной – 350 километров!!! Каюсь, мысленно все на Павла роптала: «Мог бы и прибавить газку! Ехать-то аж в Калужскую область!» Но полчаса на законный обед остановились. А как же без того?! В дороге же – ни пробок, ни происшествий, ни остановок лишних! Не зря поговорка утверждает: «тише едешь, дальше будешь!» Да еще каким-то дивным образом Павел бензин сэкономил! Изрядно!

И опять не поверите – нам меньше пяти часов на дорогу хватило, приехали в монастырь в 16.50. За десять минут до начала службы. Всю службу как свечечки отстояли. Потом в домике уютном обустроились. Тут нам дежурная послушница по сусекам-амбарам поскребла и ужин принесла, да еще несказанно удивила: «Завтра у нас панихида в часовенке будет по тричисленным новомученикам, убиенным на Пасху, ведь у отца Василия (Рослякова) – 23 декабря день рождения»!!!

Матерь Божия! Она нечаянную радость послала – в числе гостей мы на святом дне рождении оказались приглашенными, а шоколадными конфетками нас служащий панихиду монах одарил в благословение от отца Василия. Молились мы в часовенке рядом

с монахиней Василисой – мамой отца Василия, которая приехала к сыночку из женского монастыря. Я потом свою конфетку, как святыню, к иконостасу положила – на память о Пасхальном чуде во время поста – ведь у гробов новомучеников мы с ними ликовали: «Христос воскрес из мертвых...!» Потому что в 1993 году в день Воскресения Христова три ангельских монашеских души были вознесены к Престолу Божию под звон пасхальных колоколов!

Могучими и высокими трое монахов были при мирской жизни. Инок Ферапонт пять лет в армии изучал японские боевые искусства и, говорят, имел черный пояс. Инок Трофим своими могучими ручищами кочергу завязывал буквально бантиком. Иеромонах Василий был мастером спорта международного класса, капитаном сборной МГУ по ватерполо, членом сборной СССР...

И все трое были убиты предательским ударом ножа в спину!

Во время похорон игумен сказал: «Это были три ангела. Мы не знали, что в нашем монастыре живут ангелы». У каждого из них был свой талант от Бога. У инока Ферапонта – молитва, у инока Трофима – любовь к людям, у отца Василия – слово.

И сегодня по молитвам православных людей к тричисленным новомученикам Оптинским – чудесам несть числа!

Да и в нашей жизни ничего не происходит просто так. Наша радость на дне рождения отца Василия – не была случайной, от того все наше паломничество сопровождалось удивительной благодатью. Все друг за другом с трепетом душевным припадали к мощам преподобных старцев Оптинских и исповедались. Таяли сердцами на братском молебне перед мощами преподобного старца Амвросия. Радостью лучились все восемь путешественников, причастившись Святых Таин Христовых за праздничной Божественной

трапезой. Радуюсь пасхально, не скрывали слез на торжественной панихиде. Радостью же сияли глазами, вбирая непередаваемые словами впечатления от святых изображений в храмах, возле стен святого монастырского скита, отмеченного силой величайших старческих молитв, веселились у колодца бабушки Амвросия, когда нашего Павла местная собачонка обнимала и непременно пыталась расцеловать...

А потом... Честное слово, все происходило так чудесно, как бывает в русских сказках! После вкуснейшего обеда в Оптиной, с прощальной грустью откланялись святым и на обратном пути свернули в Шамордино, в Казанскую Амвросиевскую женскую пустынь, основанную преподобным Амвросием Оптинским еще в 1884 году...

Величественный, 15-главый Казанский собор выполнен в «русском стиле» – с декоративными кокошниками, полуколоннами, щипцами, подзорами, узорчатыми наличниками арочных окон...

Для благолепного украшения Божия храма сестры пишут иконы, вышивают бисером оклады, изготавливают витражи, в чеканной мастерской делают басменные коты, в золотойшейной вышивают плащаницы и хоругви...

Восемь путешественников ходили по огромному собору, изумляясь великим благолепием обители: как такое могло быть подъято хрупкими женскими плечами?! Здесь это очень наглядно – воистину мощь и сила Божества в немощи человеческой совершается! А чуть погодя тройка отважных, скорее всего, по рассеянности, аж с головой в ледяной Живоносный источник погрузились, не смотря на изрядный минус погодный – и, вынырнув, были подетски счастливы. Наконец, и трапезы монастырской отужинали. По мнению всех восьмерых – ничего вкуснее никогда в жизни не ели!!! Это оказалась самая «скатерть-самобранка» – с борщом, с пловом, с аппетитными салатиками... как же все во рту таяло! Еще яблочками из монастырского сада матушки одарили на дорогу...

Конечно, в это тоже трудно поверить, ведь дома всех с нетерпением

Легенда об основании Оптиной пустыни

Песнь о разбойнике Опте (отрывок)

***

Там, где лохмотьями на ветвях
Белый повис туман –
Каялся Опта – лихой атаман
В тяжких своих грехах.

***

Медным крестом он рассеивал
тьму,
Падал на землю в слезах.
Камни, казалось, внимали ему,
Рядом стоял монах.

***

«Выслушай речь мою горькую,
брат, –
Опта ему говорил, –
Много нагребил чужого добра,
Много я крови пролил.

***

Помню, заехал богатый купец
К нам из далекой Твери.
Тут и пришел бедолаге конец,
Он не увидел зари...

***

Эх, не такие творил я дела!
И вспоминать-то срам.
И не нужда ведь меня довела,
Сам же ведь... Господи!.. Сам.

***

Разве убийце и вору в раю
Быти с людьми наравне?
Вот и Любушу забрали мою...
То – наказание мне».

***

Опта умолк и глаза опустил,
Руки скрестил на груди.
«Милостив Бог наш! – монах
возвестил. –
Все у тебя впереди.

***

Будешь послушником в келье
лесной,
Библию будешь читать».
Опта седой покачал головой:
«Я же неграмотный тать.

***

Мне ль, старику, по слогам
разбирать
Книги святые твои?
Должен я нынче богатства мои
Людям простым раздать».

***

Ты-то раздашь, а возьмут ли
они?
Деньги твои не чисты, –
Молвил монах. – И не лучше ль
на них
Выстроить монастырь?!»...

Лев Усачев

ждали дети, семьи, но – абсолютно никто не торопился уезжать. Всем так хотелось задержать этот миг, ну, например, положить его в карман что ли (на долгую-долгую память), чтобы дома любоваться как удивительным даром – даром Божией несказанной милости. А всего-то это чудное мгновение продолжалось лишь сутки...

Серафима Дарина